

УДК 811.511152

Д.В. Цыганкин

Особенности выражения числа обладателей и обладаемых в категории посессивности в диалектах эрзянского языка¹

Аннотация: В статье дается подробный анализ притяжательных отношений между обладателем (тот, кому принадлежит) и обладаемым (то, что принадлежит) в единственном и множественном числах. При этом особое внимание обращается на такие сочетания: 1) один обладатель – много обладаемых, 2) много обладателей – одно обладаемое, 3) много обладателей – много обладаемых. Во всех этих сочетаниях выявляются аффиксы, обозначающие эти отношения, причем обозначение этих отношений по диалектам эрзянского языка не одинаково.

Ключевые слова: говор, диалект, грамматическое значение, лично-притяжательные аффиксы, множественное число обладателей и обладаемых.

D.V. Tsygankin

The details of expression of a number of owners and possessed in the category of possessively in the dialects of Erzya language

Abstract. The article gives a detailed analysis of the possessive relationship between the owner (the one who owns) and the possessed (what belongs) in singular and plural. Particular attention is drawn to these combinations: 1) one winner – much possessed, 2) many owners of one possessed, 3) many owners – many possessed. In all of these combinations are identified affixes denoting these relationship, and the designation of these relations on the dialects of Erzya language is not the same.

Keywords: speech, dialect, grammatical meaning, personal possessive affixes, plural possessors and possessed.

Все имена существительные могут иметь при себе лично-притяжательные аффиксы, обозначающие в составе словоформы отношение к грамматическому лицу, осложненное семантикой принадлежности, которые образуют сложную систему именных словоформ, противопоставленных как в плане выражения, так и в плане содержания словоформам с морфемой определенности.

Лично-притяжательные аффиксы как маркеры притяжательных словоформ являются одним из продуктивных языковых

средств, посредством которых устанавливаются отношения принадлежности между грамматическим лицом обладателя и предметом обладания. В их основе лежит познавательный аспект отношения принадлежности, который в эрзянском языке и его диалектах имеет особые формы обнаружения и специфические способы выражения.

Одним из них является морфологический, суть которого состоит в соединении в одном слове названия предмета обладания с ПА, устанавливающим лицо обладателя.

Лицо обладателя	Одно обладаемое	Много обладаемых
Один обладатель		
1-е	пакс'а-м «поле (мое)»	лакс'а-н «поля (мои)»
2-е	пакс'а-т «поле (твое)»	пакс'а-н-т «поля (твои)»
3-е	пакс'а-зу / пакс'а-зо «поле (его)»	пакс'а-н-зу / пакс'а-н-зо «поля (его)»

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-04-00258 «Диалектологический атлас мордовских языков (морфология)».

Много обладателей		
1-е	пакс'а-м-о-к / -н-о-к «поле (наше)»	пакс'а-н-у-к/ -н-о-к «поля (наши)»
2-е	пакс'а-н-к «поле (ваше)»	пакс'а-н-к «поля (ваши)»
3-е	пакс'а-с-к / -ст «поле (их)»	пакс'а-с-т/ -ск «поля (их)»

Морфологический способ выражения притяжательных отношений является достоянием всех современных финно-угорских языков. Лично-притяжательные суффиксы в каждом из них берут свое происхождение от древней финно-угорской системы посессивных суффиксов.

По предположению известных финно-угроведов, еще в прафинно-угорском языке-основе, наряду с немаркированным способом выражения названных отношений, употреблялся и другой: «имя-обладаемое, снабженное специальным суффиксом, указывало на грамматическое лицо обладателя» (ОФУЯ, 1974: 267–268).

В словоформах, обозначающих притяжательные отношения, грамматиче-

ски выражены: 1) грамматическое лицо; 2) число обладателей; 3) число обладаемых. Их соотношение образует систему лично-притяжательных аффиксов. Соотношение этих трех категорий в говорах различно. В зависимости от этого все эрзянские говоры объединяются в диалектные группы, в каждой из которых своеобразно реализуется общемордовская система лично-притяжательных (Цыганкин, 2014: С. 12–13).

При соотношении обладателя (тот, кому принадлежит) и обладаемого (то, что принадлежит) возможны следующие двенадцать рядов, в каждом из которых должно быть осуществлено образование словоформы с лично-притяжательными аффиксами.

Лицо	Один обладатель			
	ряд	одно обладаемое	ряд	много обладаемых
1-е	I	мон' ава-м «мать (моя)»	IV	мон' ава-н «матери (мои)»
2-е	II	тон'/ тон'т' ава-т «мать (твоя)»	V	тон'/ тон'т' ава-н-т «матери (твои)»
3-е	III	сонзэ/сонзэк ава-зо (а, у) «мать (его, ее)»	VI	сонзэ/ сонзэк ава-н-зо (а, у) «матери – (его, ее)»
Много обладателей				
1-е	VII	мин'ек ава-м- (о, у, е) -к «мать (наша)»	X	мин'ек ава-н- (о, у, ы) -к «матери (наши)»
2-е	VIII	тынк ава-н-к «мать (ваша)»	XI	тынк ава-н-к (нт...к) «матери (ваши)»
3-е	IX	сынст ава-с-к «мать (их)»	XII	сынст/ сынск ава-н-с-т(с-т) «матери (их)»

В связи с тем, что в некоторых рядах единичность и множественность обладаемых формально не дифференцированы (т. е. отношения «мой» и «мои», «твой» и «твои» и т. д. обозначены одним и тем же аффиксом), количество словоформ в номинативе и в косвенных падежах заметно сокращается.

Целью настоящей статьи является выявление числовых отношений в категории притяжательности, где возникает необходимость в указании числа обладателя и обладаемого. Обладаемый и обладатель могут быть в ед. и мн. числе, однако в зависимости от ряда числовая дифференциация предметов обладания в эрзянских диалектах проводится не в одинаковой мере последовательно, в некоторых говорах гораздо полнее по сравнению с литературным языком.

В словоформах рядов² мон' «мой», тон'/тон'т' «твой», сонзэ/сонзэк/сондо «его, ее», мин'ек «наш», тынк «ваш», сынст/сын'иск/сынск «их» обнаруживаются два аффикса множественности: 1) -н (<ф.-у.*n), во многих диалектах носит флективный характер, т. е. совмещает в себе значение числа обладаемого и числа обла-

дателя. В некоторых говорах аффикс -н в своем содержании прозрачен: он выступает лишь как показатель числа обладаемых и образует, таким образом, оппозицию единственное-множественное в аспекте различения числа обладаемых. Ср.: э. л. кудо-т «дом (твой), дома (твои)» – э. д. кудо-т «дом (твой)» – кудо-н-т «дома (твои)»; э. л. кудо-н-о-к «дом (наш), дома (наши)»; э. д. кудо-м-о-к «дом (наш)» – кудо-н-о-к «дома (наши)». Следует подчеркнуть, что максимальная для диалектной речи система серий лично-притяжательных форм, противопоставленных в пределах всей серии, не представлена ни в одном из диалектов. Их максимальное число в двух сериях должно быть 12, но в диалектах они выделяются не все. Почти в каждом из них в сериях лично-притяжательных форм, противопоставленных между собой по внешнему признаку и внутреннему содержанию, имеются пустые «клетки», возникшие в связи с отсутствием в них лично-притяжательного аффикса или суффиксов множественности -н и -к. Отдельные говоры все же характеризуются в этом плане известным приближением к системе максимальных форм. Ср.: серии ПА с заметными «дефектами»:

А-I	Б-II
1. кудо-м «дом (мой), дома (мои)»	1. 0
2. кудо-т «дом (твой), дома (твои)»	2. 0
3. кудо-зо «дом (его, её)»	3. кудо-н-з-о «дома (его)»
В-III	Г-IV
1. кудо-н-о-к «дом (наш), дома (наши)»	1. 0
2. кудо-н-к «дом (ваш), дома (ваши)»	2. 0
3. кудо-с-т «дом (их), дома (их)»	3. 0

Серии ПА с заметным приближением к системе максимальных форм:

А-I	Б-II
1. кудо-м «дом (мой)»	1. кудо-н «дом (мой)»
2. кудо-т «дом (твой)»	2. кудо-н-т «дом (твой)»
3. кудо-зо «дом (его)»	3. кудо-н-з-о «дом (его, её)»
В-III	Г-IV
1. кудо-м-о-к «дом (наш), дома (наши)»	1. кудо-н-о-к «дом (наш), дома (наши)»
2. кудо-т-о-к «дом (ваш), дома (ваши)»	2. кудо-н-к «дом (ваш), дома (ваши)»
3. кудо-с-к «дом (их), дома (их)»	3. кудо-с-т «дом (их), дома (их)»

²Ряд притяжательного склонения – это одна из парадигм, лично-притяжательный аффикс в которой указывает на принадлежность к определенному грамматическому лицу.

Данная система лично-притяжательных форм в основном отражает реальность некоторых говоров, но все же не полностью, инодиалектным является форма 2 л. мн. числа серии В-III, в них присутствует факт взаимного наложения лично-притяжательных аффиксов различных говоров.

В диалектах, где представлены серии ПА с заметными «дефектами», аффикс -н прослеживается лишь в рядах сонзэ (сондо), мин'ек и тынк, в остальных рядах он не сохранился, поэтому в словоформах типа кудо-м аффикс -м флективен: он обозначает единичность и множественность предметов обладания – «дом (мой)» и «дома (мои)». Точно так же флективны суффиксы -т, -с-т в словоформах типа кудо-т «дом (твой)» и «дома (твой)»; кудо-с-т «дом (их)» и «дома (их)». В диалектах, где произошло числовое обобщение в одном аффиксе, заметна тенденция к дифференцированному выражению этих разных грамматических значений путем образования аналитических конструкций с участием в них форм указательного склонения. Вместо форм типа скалон-о-к возможны формы: мин'ек скалон-о-к туртов «для нашей коровы»; мин'ек скал-т-нэ туртов «для наших коров»; а содавикс ломан'е-с' мон' братос' (мл.) «неизвестный человек – мой брат»; но а содавикс лома-т'-н'е – мон' брат-нэ «неизвестные люди – мои братья»; мин'ек кудос' пандо марто вейкет' (чрм. к.) «наш дом вровень с горой»; сынкс ц'ора-с-к сас' (с. зап.) «их сын приехал», но сынкс цора-т'-н'е пурнавс'т' «их сыновья собрались». Таким образом, в процессе изменения диалектной системы лично-притяжательных форм происходит не только утрата материальных средств выражения числа обладаемых и числа обладателей, но и появление взамен их новых. В жизненности аналитических конструкций, образованных по модели: местоимение + словоформа основного или указательного склонения, решающую роль играет потребность в выражении числа предметов обладания.

В языке, как правило, прослеживается тенденция к преодолению грамматической

омонимии. Но в определенных случаях мы все-таки имеем дело с грамматической омонимией. Характерными в этом отношении являются диалекты, где формы ед. и мн. числа при обладателе 1-го лица ед. числа обобщились в пользу аффикса -м не только в номинативе, но и в косвенных падежах: э. л. кудо-м (ед. число) – кудо-н (мн. число), э. д. кудо-м (ед. и мн. число). Или же это различие в номинативе сохраняется, т. е. функционируют два аффикса: -м (ед. число обладаемого) и -н (мн. число обладаемых), а в косвенных падежах в одних диалектах они обобщаются в одном аффиксе -н, в других в пользу -м. Ср.: э. л. таркам «место (мое)» – тарка-н «места (мои)», аблатив тарка-до-н «о месте (моем)», инессив тарка-со-н «на месте (моем)», э. д. тарка-м «место (мое), места (мои)», аблатив тарка-до-м «о месте (моем), о местах (моих), инессив тарка-со-м «на месте (моем), на местах (моих)» и т. д.

Совпадение двух грамматических значений в одном аффиксе привело к утрате формального различия между ними. Омонимичность подобных посессивных словоформ устраняется побочными средствами языка. В номинативе ими является форма глагола-сказуемого: ц'орам роботы – ц'орам роботыт' (мл.) «сын мой работает – сыновья мои работают». В косвенных падежах число обладаемых устанавливаются по: а) определяемому количественному слову, стоящему перед существительным: вас'ен'ц'е коз'айкадонзо мäs'т' эс'т' кортак (пнг.) «о его первой жене что только не говорили»; вät'ä эйкакшым/васув а туйат (сим.) «пятеро детей-моих, далеко не пойдешь»; или б) местоименным формам мон', тон', сонзэ (сондо) – мин'ек, тынк, сынст (сынск), стоящим перед существительными в соответствующем падеже: мон' кудус кавкс'т' совс'ес'т' (кчк.) «в дом-мой два раза заходили (они)»; ну / баба / мин'ек ц'орасто толк ул'и (фед.) «ну, старуха, из нашего сына толк будет»; тосо н'едл'а эр'и и свал йала сонзэ кудосто л'ис'и (с. ив.) «там он неделю живет и всегда из дома его выходит».

В отдельных немногочисленных говорах ед. число обладаемого выражается аналитически: местоимение + основная форма существительного в косвенном падеже.

Мн. число предметов обладания, напротив, находит выражение в словоформах с лично-притяжательным аффиксом. Ср.:

Ряд мон' «мой»

Ном.	кудо-м «мой дом»	кудо-н «дома (мои)»
Ген.	0	0
Дат.	0	0
Абл.	мон' кудо-до «о моем доме»	кудо-до-н «о домах (моих)»
Инесс.	мон' кудо-со «в моем доме»	кудо-со-н «в домах (моих)»
Эл.	мон' кудо-сто «из моего дома»	кудо-сто-н «из домов (моих)»
Илл.	мон' кудо-с «в мой дом»	кудо-зо-н «в дома (мои)»

В этих же говорах отмечено использование аффикса -н для выражения мн. числа обладаемых во 2-м л. ед. числа, поэтому здесь возможны числовые оппозиции в пределах одного и того лица. Ср.: йаки кудо-ва-т «ходит по дому-твоему» и йаки кудо-ва-н-т «ходит по домам-твоим». Во многих говорах, так же, как и в литературном языке, отмечается совпадение форм ед. и мн. числа обладаемого в одном аффиксе: -т (-т') – морот «песня (твоя), песни (твои)», мел'ет' «желание (твое)» и «желания (твои)». В говорах нижнепьянского диалекта в таких случаях для выражения мн. числа обладаемых употребляется лично-притяжательный аффикс -н, ср.: э. л. кед'е-т' «рука (твоя), руки (твои)», э. д. кед'е-т' «рука (твоя)» – кед'е-н'-т' «руки (твои)» (Надькин, 1968: 62). В ряде говоров, территориально встречаемых за пределами Республики Мордовии (в Нижегородской области), различие между ед. числом обладаемого при одном обладателе 2-го лица ед. числа наблюдается лишь у слов с основой на согласный, причем средством различения при этом является морфонологическое чередование о/у, е/и на морфемном шве: куд-о-т «дом (твой)» – куд-у-т «дома (твои)», пей-е-т' «зуб (твой)» – пей-и-т' «зубы (твои)». У существительных же с гласной основой подобная дифференциация числовых значений не происходит, поэтому формы типа куд-о-т, так же, как и в литературном языке, омонимичны: «дом

(твой), дома (твои)», «дома» (мн. число).

В диалектном развитии языка появляются и другие возможности преодоления формантной омонимии. В некоторых говорах в качестве единственного дифференцирующего признака ед. и мн. числа обладаемых для существительных с согласной основой служит чередование лично-притяжательного аффикса -т с нулевой основой имени. Благодаря этому осуществляется различие числа обладаемых: при выражении ед. числа обладаемого во 2-м лице сохраняется -т, а при выражении мн. числа обладаемых выступает нулевая форма имени. Ср.: валo-т «слово (твое)» – валу «слова (твои)». Формы типа валу восходят к более древним словоформам (< *валун-т), которые в силу закона ассимиляции подверглись изменениям. Процесс преобразования, по Г. И. Ермушкину (1968, 322), можно представить в следующем виде: *кудунт > кудутт > кудут > куду > кудо. Нулевая форма, появившаяся вследствие указанного фонетического процесса, оказалась омонимичной с формой номинатива, оканчивающейся на гласный звук. Ср.: куду-т «дом (твой)» – кудо «дома (твои)», ном. кудо «дом». Их омонимичность устраняется или постановкой перед нулевой формой местоимения тон'т' «твой»: тон'т' кудо «дом (твой)», или формой глагола-сказуемого, сочетающегося с данным существительным: толкс палыт' сел'ме «огнем горят глаза (твои)», или же употре-

блением препозитивного числительного: колмо ц'ора мон н'ейин' «троих сыновей (твоих) я видел».

Другой аффикс -к, служащий для обозначения мн. числа обладателей, характерен для всего эрзянского диалектного ареала, однако его употребляемость и функциональная значимость в диалектах неодинаковы. На большей части территории распространения эрзянского языка -к-овый аффикс представлен в составе ПА ряда мин'ек «наш, наши»: йалга-нок / йалга-нук / йалга-нык «товарищ-наш, товарищи-наши»; ряда тынк «ваш, ваши». В языковом сознании носителей этих диалектов первоначальные функции -н и -к, как показателей множественности предмета обладания и обладателя, стерлись, соединились

в единый по восприятию носителей языка сложный аффикс, ставший главным образом показателем лица обладателя.

Имеются говоры, где грамматические значения аффиксов -к и -н сохранились. Это характерно для большинства говоров приалатырского диалекта, северо-западных диалектных ареалов на территории Республики Мордовия, а также отдельных говоров на территории Самарской области. В них хорошо сохранились следы былого существования двух парадигм имен существительных с посессивными суффиксами, в которых -к-овый показатель мн. числа указывает на число обладателей предмета, а -н-овый указывает на множество предметов обладания. Например:

А-III	Б-IV
1. ц'ора-м-о-к «наш сын»	1. ц'ора-н-о-к «наши сыновья»
2. ц'ора-т-о-к «ваш сын»	2. ц'ора-н-к «ваши сыновья»
3. ц'ора-с-к (-ст) «их сын»	3. ц'ора-н-с-т (-с-т) «их сыновья»

Некогда в мордовских языках как в единственном, так и во множественном числе первоначально были две формы: одна – содержащая числовой притяжательный суффикс в ед. ч. 1 л. -м, 2 л. -т, 3 л. -с; во мн. числе 1 л. -м...к, 2 л. -т...к, 3 л. -с...к; вторая, в которой для обозначения мн. числа обладаемого перед последним добавлялся -н. По этому поводу Д.В. Бубрих (1953: 46) пишет: «В притяжательных суффиксах, указывающих множественность обладателя..., мы в качестве показателя множественности находим -к: -мок, -мек (наш) и -нок, -нек из -н-мок, -н-мек (наши); -нк из -н-т...к, -н'-т...к (ваши). В диалектах есть и -ск из -с...к (их), особо стоит -н, -н' как показатель мн. числа обладаемого в притяжательных формах. Сюда относятся формы вроде кудон из кудо-н-м... «дома (мой)» при кудо-м «дом (мой)», диал. кудо-н-т «дома (твой)» при кудо-т «дом (твой)», кудо-т «дома (его)» при кудо-зо «дом (его)», диал. кудомнок из кудо-н-мок «дома (наши)» при кудомок «дом (наш)», кудо-нк из кудо-нт...к, первоначально «дома (ваши)», диал. кудо-н-ск

или кудо-н-ст «дома (их)» при кудо-с к или кудо-ст «дом (их)».

Наличие во всех эрзянских диалектах в лично-притяжательных формах двух аффиксов множественности: -н (обозначает множественность обладаемых) и -к (обозначает множественность обладателей) – является подтверждением того, что в общемордовском языке самостоятельно функционировали две серии посессивных словоформ, в каждой из которых обязательными элементами являлись аффиксы -н и -к. Однако устойчивость и единство этих серий, функциональная значимость их составляющих ныне в преобладающем большинстве диалектов нарушены. Прежде всего, в процессе кардинальной перестройки в них изменили свою функцию -н- и -к-овые форманты. Сочетаясь между собой или с гласными, они фактически стали показателями лица обладателя. Возникли сложные аффиксы: -нок/-нук/-нык/-нэк/-нк/-н'екä/-н'кä, в которых различителями рядов мин'ек «наш, наши» и тынк «ваш, ваши» становятся

гласные элементы. Ср.: пакс'а-нок «наше поле, наши поля» – пакс'а-нк «ваше поле, ваши поля»; вел'е-н'ека «наше село, наши села» – вел'е-н'ка «ваше село, ваши села» и т. д. В некоторых говорах (нап. к.) аффикс -к из серии форм мн. ч. (В-III) по аналогии со словоформами типа кудо-мок «наш дом», кудо-нк «ваш (дом)», кудо-ск «их (дом)» был перенесен в серии формы ед. числа (А-I). И в настоящее время они выглядят так: 1 л. – -м, -н; 2 л. – -т, -нт; 3 л. – -зок, -нзок (кудо-зо-к – кудо-н-зо-к «дом (его) – дома (его, ее)»).

В финно-угорских языках, в частности в саамском (кильдинском) языке, аффикс -п обозначает множественное число обладателей, например: 2 л. ед. ч. -t – мн. ч. -nt: jannat «твоя мать» – jannant «ваша мать» (Керт, 1971: 156). Подобное же грамматическое значение имеет аффикс -н в коми языке: керка-ыд «твой дом» – кырка-ныд «ваш дом» (Лыткин, Тимушев, 1961: 859). В хантыйском, как и в мордовских, аффикс -н обозначает множественное число обладаемых и обладателей. Например: хапум «моя лодка» – хапанум «мои лодки», хапмен «наша лодка» – хапанамен «наши лодки» (Ромбандеева, 1954: 359, 362). В венгерском языке общепинноугорский

показатель множественного числа обладаемых не сохранился, в притяжательных формах вместо него используется суффикс -i : a könyvem «моя книга» – a könyveim «мои книги», a könyvetek «ваша книга» – a könyveitek «ваши книги». Как видно из примеров, множественное число обладателей в венгерском языке, как и в мордовских, обозначается аффиксом -к .

Итак, современная общеэрзянская система лично-притяжательных аффиксов, функционирующая в диалектах в виде нескольких вариантов, сложилась в результате сложения лично-притяжательных аффиксов и аффиксов множественного числа -н и -к, выражающих множественность обладаемых и обладателей. Некоторые диалекты, как видно из вышеизложенного, сохранили две серии лично-притяжательных аффиксов во всех трех лицах: одна – для выражения одного предмета обладания в 1-ом, 2-ом, 3-ем лицах единственного и множественного чисел, другая – многих предметов обладания этими же лицами обоих чисел. В ряде говоров система лично-притяжательных аффиксов подверглась существенным фонетическим изменениям и инновациям, особенно в части употребления аффиксов -н и -к.

Список сокращений

б. игн. – большеигнатовский диалект эрзянского языка (Республика Мордовия; кчк. – говор н.п. Кочкурово Кочкуровского района Республики Мордовия; мл. – говор н.п. Мокшалей Чамзинского района Республики Мордовия; н. пьян. – нижнепьянский диалект эрзянского языка (Нижегородская область); нап. к. – напольный куст (говоры н.п. Напольное, Низовка, Рындино, Сыресево Порецкого района Республики Чувашия); пнг. – говор н.п. Пянгилай Чамзинского района Республики Мордовия; с. ив. – говор н.п. Старое Иванцево Лукояновского района Нижегородской области; сим. – говор н.п. Симкино Большеберезниковского района Республики Мордовия; фед. – федоровский диалект эрзянского языка (Республика Башкортостан); чрм. к. – черемшанский куст (говоры н.п. Васильевка, Кузайкино, Верхний Акташ, Тихоновка Альметьевского района; Кузайкино, Мордовские Кармалы Лениногорского района; Черемшаны, Старый Кутуш Черемшанского района Республики Татарстан); э. д. – эрзянский диалектный; э. л. – эрзянский литературный язык.

Литература

1. Бубрих Д.В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1953. – 265 с.
2. Ермушкин Г.И. Северо-западные говоры эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. – Саранск, 1968. – Т. V. – С. 319–382.

3. Керт Г.М. Саамский язык (кильдинский диалект). – Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1971. – 355 с.
4. Лыткин В.И., Тимушев Д.А. Краткий очерк грамматики коми-языка // Коми-русский словарь. – М., 1961. – С. 839–923.
5. Надькин Д.Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. – Саранск, 1968. – Т. V. – С. 3–198.
6. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974. – 480 с.
7. Ромбандеева Е.И. Грамматические таблицы по словоизменению в мансийском языке // Русско-мансийский словарь. – Л., 1954. – С. 355–377.
8. Цыганкин Д.В. Категория притяжательности и ее особенности в диалектах эрзянского языка // Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа. – Саранск, 2014. – С. 5–29.

References

1. Bubrih D.V. Istoricheskaia grammatika jertzjanskogo jazyka. Saransk: Mord. kn. izd-vo, 1953. – 265 s.
2. Ermushkin G.I. Severo-zapadnye govory jertzja-mordovskogo jazyka // Oчерki mordovskih dialektov. – Saransk, 1968. – Т. V. – S. 319–382.
3. Kert G.M. Saamskij jazyk (kil'dinskij dialekt). – L.: «Наука» Leningradskoe otdelenie, 1971. – 355 s.
4. Lytkin V.I., Timushev D.A. Kratkij oчерk grammatiki komi-jazyka // Komi-russkij slovar'. – M., 1961. – S. 839–923.
5. Nad'kin D.T. Morfologija nizhnep'janskogo dialekta jertzja-mordovskogo jazyka // Oчерki mordovskih dialektov. – Saransk, 1968. – Т. V. – S. 3–198.
6. Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija. Voprosy proishozhdenija i razvitija finno-ugorskih jazykov. M., 1974. – 480 s.
7. Rombandeeva E.I. Grammaticheskie tablicy po slovoizmeneniju v mansijskom jazyke // Russko-mansijskij slovar'. – L., 1954. – S. 355–377.
8. Cygankin D.V. Kategorija pritzazhatel'nosti i ee osobennosti v dialektah jertzjanskogo jazyka // Mordovskie jazyki glazami lingvистa-finnougroveda. – Saransk, 2014. – S. 5–29.